

Малинов А. В., Пешперова И. Ю.

«Крепкий стоятель за русские начала»: И. С. Аксаков в оценке петербургских славянофилов*

Малинов Алексей Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры русской философии и культуры
Доктор философских наук, профессор
a.v.malinov@gmail.com

Пешперова Изольда Юрьевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры правоведения
Кандидат юридических наук
iseutp@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается история отношений петербургских славянофилов, профессоров Петербургского университета Ореста Федоровича Миллера (1833–1889) и Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897) с Иваном Сергеевичем Аксаковым (1823–1886). В статье используются как опубликованные, так и архивные материалы, прежде всего, переписка ученых. Приводятся оценки личности и деятельности И. С. Аксакова со стороны петербургских профессоров. Отмечается, что столичные славянофилы не только высоко оценивали публицистику И. С. Аксакова, но и его активную общественную и издательскую деятельность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

И. С. Аксаков, О. Ф. Миллер, К. Н. Бестужев-Рюмин, славянофильство, публицистика, идеология, свобода слова

Malinov A. V., Peshperova I. Yu.

“Strong Defender of Russian Foundations”: I. S. Aksakov in the Evaluation of Petersburg Slavophiles

Malinov Alexey Valerievich

St. Petersburg State University (Russian Federation)
Professor of the Chair of Russian Philosophy and Culture
Doctor of Science (Philosophy), Professor
a.v.malinov@gmail.com

Peshperova Izolda Yurievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Jurisprudence
PhD in Jurisprudence
iseutp@gmail.com

ABSTRACT

The article discusses the history of relations slavophiles Petersburg, St. Petersburg University professor Orest Fedorovich Miller (1833–1889) and Konstantin Nikolayevich Bestuzhev-Ryumin (1829–1897) and Ivan Sergeevich Aksakov (1823–1886). The article is used both published and not published materials, mainly correspondence of scientists. Estimates of the person and work of

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 16-03-00450).

I. S. Aksakov from the St. Petersburg professors. Indicates that the St. Petersburg Slavophiles not only highly valued publicists of I. S. Aksakov, but his active public and publishing activities.

KEYWORDS

I. S. Aksakov, O. F. Miller, K. N. Bestuzhev-Ryumin, Slavophilism, journalism, ideology, freedom of speech

В историческом споре «двух столиц» славянофильство прочно ассоциируется с Москвой. Не случайно представители славянофильского кружка именовали себя «московским направлением». Так называемое «позднее», а может быть в еще большей степени «академическое» славянофильство, напротив, прижилось в Петербурге. Связующим звеном между «ранними» (московскими) и «поздними» (преимущественно локализованными в столице) славянофилами был Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886). Его публицистическую и организаторскую деятельность высоко ценили и поддерживали петербургские славянофилы, многие из которых, в отличие от своих московских единомышленников принадлежали к университетской профессуре. Таков был, в частности, крупнейший отечественный славист, профессор Петербургского университета, академик (с 1900 г.) Владимир Иванович Ламанский [6]. Ламанский был соратником Аксакова в пору его наиболее плодотворной редакторской активности. Другой соратник Ламанского по историко-филологическому факультету и Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному комитету историк Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) в меньшей степени принимал участие в аксаковских изданиях. Свидетельства их сотрудничества не многочисленны. Так, например, в письме к И. С. Аксакову 9 декабря 1881 г. Бестужев-Рюмин высоко отзывался о В. С. Соловьеве¹. Бестужев-Рюмин, Ламанский, Миллер в отличие от ранних славянофилов и того же И. С. Аксакова были «тружениками науки». Общение с Аксаковым было важно для Бестужева-Рюмина как способ осознания славянофильского учения и движения и как форма определения собственного места в нем. Именно эти вопросы Бестужев-Рюмин чаще обсуждал с московским публицистом и сосредоточился на них в своем мемуаре, посвященном Аксакову. В письме Бестужеву-Рюмину 18 августа 1875 г. И. С. Аксаков давал следующую краткую характеристику первых деятелей славянофильского направления: «...славяне, да еще русские, да еще дворяне, они не были тружениками науки и постоянно подвергались упреку в бездействии и лени; но они безостановочно проповедовали словами и раздавали направо и налево сокровища своего творчества. Говорю именно: творчества, в противоположность труженническому процессу в науке»². То, что ранние славянофилы не были профессиональными учеными Бестужев-Рюмин прекрасно понимал, но не считал это недостатком, поскольку главное в учении и деятельности славянофилов было в другом. В речи памяти И. С. Аксакова историк говорил о «жизни духа» и «духе жизни» как главным деле славянофилов. «Представители этого направления, — писал он, — не были ни исключительно учеными, ни исключительно публицистами. Для них и наука и журналистика служили средствами: они искали духа жизни, стремились к жизни духа» [5, с. 137–138]. В рецензии на второй том сочинений Аксакова столичный историк практически теми же словами характеризовал идейную основу московского публициста: «Он боролся за право духа над материей, жизни над мертвым правом, внутреннего над внешним; призывая “домой” он при-

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 47.

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. 24872/CZXXX6.2. Л. 2.

зывал не к отжившим свой век формам жизни, а к оживлявшему их духу: в московском государстве он не видел олицетворение идеала, но дорожил в нем оживлявшим его духом самостоятельного творчества. Он призывал нас «к духу жизни, к жизни духа» [3, с. 482]. Здесь Бестужев-Рюмин фактически выразил славянофильскую идею в краткой формуле, отдающей приоритет духовному началу перед материальным и тем самым одухотворяющему и оживляющему мир посредством его творческого преображения. Ранние славянофилы по существу заложили философскую основу учения и задали общее направление последующего развития мысли, но мало останавливались на подробностях и деталях. Задача ранних славянофилов была по преимуществу философская и критическая. По словам Бестужева-Рюмина, «только широкое философское образование первых деятелей славянофильской партии (Киреевского (вспомним *Европейца*), Хомякова, Самарина, К. С. Аксакова) дало им возможность создать полную, логическую теорию и обосновать ее на ясных и отдельных понятиях. В трудах славянофилов первой эпохи преимущественно поражает стройность мысли, проникновение в самую сущность. Подробная разработка идет уже затем» [2, с. 126].

На смерть Аксакова Бестужев-Рюмин откликнулся некрологом, в котором сравнивал московского славянофила с Ф. М. Достоевским. «Развиваясь под разными обстоятельствами, — отмечал он, — идя разными жизненными путями, оба стремились к одной цели, у обоих перед глазами был один идеал: миродержавное значение родной православной Руси, через нее и с ее помощью и всего славянского мира. Достоевский пришел к этому идеалу скорбным путем личного страдания, Аксаков получил его готовым, поставил задачей своей жизни его проповедовать, готовить умы к его сознательному восприятию» [1, с. 1]. Называя Аксакова «крепким стоятелем за русские начала», Бестужев-Рюмин прекрасно понимал, что не Аксаков основал эти начала, так же как не Аксакову принадлежат сами славянофильские идеи. «Нет нужды, конечно, говорить, — писал он, — что не лично принадлежали они И. С. Аксакову, что они выработаны общими трудами всех представителей этого направления, которое мы привыкли звать славянофильским. В нашем Славянском Обществе воззрения эти живут, оно является той средой, которая приняла на себя их хранение и распространение, и потому для нас они не составляют новости» [5, с. 138]. Таким хранителем, сберегателем и распространителем славянофильских воззрений был Аксаков. «Начала эти Аксаков выражал не в философских трактатах, а в журнальных статьях, преимущественно политических» [Там же]. Публицистика Аксакова имела в свое время большое общественное значение. Он, конечно, откликался на современные события, но не эти события составляли содержание его мысли. Наиболее практичный из славянофилов, Аксаков, тем не менее, оставался, как и все славянофилы, идеалистом, судил и оценивал реальность с точки зрения славянофильских идеалов. «Статьи Аксакова, — признавался Бестужев-Рюмин, — писались не для одной минуты, вообще минуте он не служил, ибо минуты бывают разные. Писал он кровью, если можно так выразиться; каждая высказанная им мысль была или порывом надежды, или горьким плодом разочарования; он жил в своих писаниях»¹. Обладая более целостным представлением об этих началах, чем ранние славянофилы, Аксаков особое значение придавал личному сознанию и личной совести. Изменения, происходящие в обществе, согласно его убеждению, не связаны с «внешними учреждениями». Однако сила аксаковской публицистики была не только в цельности проводимого мировоззрения и последовательности отстаивания славянофильских идеалов, но и в предельной честности, строгой правде, которой следовал Акса-

¹ [Речь К. Н. Бестужева-Рюмина памяти И. С. Аксакова] // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 2. С. 57.

ков. «Аксаков, — по словам Бестужева-Рюмина, — говорил всегда только правду и ничего кроме правды; никто в свете не мог заставить его сказать того, что он не считал за правду. Это знают все — и дома, и за границей» [1, с. 1].

В речи, произнесенной в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе 14 февраля 1887 г., т. е. фактически к годовщине смерти Аксакова, Бестужев-Рюмин, развивая свою мысль о «жизни духа», отмечал важность разработки ранними славянофилами богословских вопросов. По его словам, «духовное очищение есть начало всякого блага. Вот почему вопрос религиозный был положен первыми славянофилами в основу их воззрений, вот почему и Киреевский, и Хомяков, и Самарин так много углублялись в богословские вопросы, обыкновенно столь чуждые нашему обществу, вот почему и Достоевский считал религиозное деятельное чувство основой общественного преуспевания» [5, с. 139]. Пожалуй, ни одно философское направление в России, за исключением софиологии, не дало столь существенных результатов в области богословия, как славянофильство. Славянофильское учение было адресовано образованной части общества. У истоков его стояли дворяне, которые обращались к дворянам же, т. е. наиболее европеизированному сословию. Ославянивать крестьян, мещан или священников нужды не было. Нелепость такой задачи слишком очевидна, чтобы на ней останавливаться. Она же демонстрирует и случайность названия московского кружка, члены которого стремились возродить в русском дворянстве народные, а не славянские начала. Именно это имел в виду Бестужев-Рюмин, когда писал: «Внешнего патриотизма немало и у нас: еще давно замечено, что русские люди умеют умирать за Россию, но не умеют жить для нее. Славянофилы ясно сознавали, что наш народ чрезвычайно даровит, что в нем живы народные основы; но не то замечается в Русском образованном человеке, стало быть, чего то недостает, чего то следует добавить и искать: вина всего заключается, по их совершенно справедливому мнению в безнародности нашего образованного общества» [5, с. 139]. В области философии и науки славянофилы проводили эти же народные начала. «Следственно, — продолжал Бестужев-Рюмин, — те начала, которые бессознательно существуют в народе, должны быть приведены в сознание. Словом, должен свершиться тот же процесс, который теперь уже совершился в русской художественной литературе: двинутая мощною рукою Пушкина, она все глубже воспринимала в себя народные начала, все более и более проникалась народным духом» [5, с. 139].

Известно учение Константина Аксакова о двух исторических началах русской жизни: земле и государстве. Иван Сергеевич дополняет его третьим началом — обществом, понимая под ним «цвет народа, его духовную силу». Задача общества состоит в том, чтобы «те начала, которые бессознательно существуют в народе, должны быть приведены в сознание» [5, с. 139]. Общество, а не государство, согласно Аксакову, является органом самосознания народа. Общество представляет собой образованную часть земли или народа. Трагедия русской истории состоит не только в том, что установилось «иго Государства над Землей», но и в том, что интеллигенция и дворянство перестали выражать идеи и чувства русского народа, утратили связь с народом, перестали быть его самосознанием. «Обезнародение нашего общества, — писал Бестужев-Рюмин, — печальное последствие необходимого исторического процесса более всего озабочивает Аксакова. Таков смысл всех его нападений на петровскую реформу... Своими последствиями они во многом тяготят нас: им мы обязаны и излишеством бюрократизма и положением всей нашей церкви, и обезнародением нашего общества, забывшего ту высокую роль, которую указывают ему славянофилы и преимущественно Аксаков» [5, с. 140].

Так же, как и Ламанский, Бестужев-Рюмин ценил в Аксакове в первую очередь практическую направленность его деятельности, связывающую славянофильское учение с запросами и нуждами самой жизни. Во многом именно Аксакову обязано

пробуждение славянофильской публицистики и первое практическое славянофильское дело — освобождение крестьян. «Но вот люди, проникнутые славянской идеею, — указывал Бестужев-Рюмин, — много послужили великому русскому делу, на веки прославившему 19 февраля 1861 г. Появились они и в рядах первых мировых посредников и в первых земских собраниях. В ту же пору чаще и чаще стал раздаваться мощный голос И. С. Аксакова; начали появляться под его редакцию журналы и хотя все они по обстоятельствам не продолжались долго, но к голосу его стали прислушиваться; славянская идея спустилась с своей теоретической вершины. Главная заслуга в этом отношении принадлежит бесспорно Аксакову»¹. Издательская и организаторская деятельность Аксакова в Славянском комитете позволяет Бестужеву-Рюмину сближать его и сопоставлять с М. П. Погодиным. По словам петербургского историка, они были «оба рождены публицистами, оба призванные будить сознание»².

Не чужд публицистике был и сам Бестужев-Рюмин. Его путь в науку как раз шел через журналистику, но и позднее историк не пренебрегал работой в повременных изданиях. Прежде всего, он внимательно следил за новейшей исторической литературой, регулярно публикуя рецензии на труды своих коллег. Не обошел стороной Бестужев-Рюмин и собрание сочинений Аксакова, которое стараниями вдовы Ивана Сергеевича начало выходить в 1886 г. В «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» Бестужев-Рюмин публикувал рецензии на новые тома сочинений Аксакова. В них он касался среди прочего и позиции Аксакова по более частным вопросам, нередко в краткой, но обобщенной формуле выражая содержание целых циклов аксаковских статей. Такова, например, его интерпретация польского вопроса. «Подъем русского народного чувства в жизни нашей Руси с одной стороны, — писал Бестужев-Рюмин, — создание русской народной интеллигенции в несчастном Западном крае с другой — вот главные заботы Аксакова. К полякам он не питает злобы, как уверяют иногда западнославянские публицисты, напротив в этнографическом пределе польского племени он любит его; он только стоит против внушенного этому племени западноевропейским образованием политического властолюбия; он стоит против исторических прав там, где они идут в разрез с правами народностей на самобытное существование. Временные меры обороны, которые иногда мог одобрять и Аксаков, относятся к другому порядку идей, ибо вызываются чрезвычайными обстоятельствами» [4, с. 546]. Еще одной темой аксаковских статей был еврейский вопрос, суть которого в изложении Бестужева-Рюмина была следующей: «В еврейском вопросе Аксаков стоит не только на народной, но и на всемирно-исторической почве... Ясно, что с философской точки зрения еврейство, как еврейство, есть факт, пережитый историей: христианство упразднило еврейскую исключительность; притязание евреев господствовать над миром в качестве еврейской народности не может быть терпимо никаким народом. Если в наш век кредитного хозяйства евреи, как банкиры и капиталисты, захватили в свои руки так много, то это не оправдывается никакой нравственной идеей и служит только доказательством, что западная цивилизация окончательно перешла к поклонению золотому тельцу... Только указаниями на христианские идеалы можно действовать на христианские народы» [4, с. 546].

Труды Аксакова не пропали втуне, «мысли его, хотя и медленно, но переходили в общее сознание»³. Не сгинет, был убежден Бестужев-Рюмин, и та заветная идея,

¹ [Речь К. Н. Бестужева-Рюмина памяти И. С. Аксакова] // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 2. С. 56.

² Там же, с. 57.

³ [Речь К. Н. Бестужева-Рюмина памяти И. С. Аксакова] // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 2. С. 57.

которой были проникнуты статьи и дела Аксакова: «чувство любви к родине, мысль о великом призвании славянского племени, забота о том, чтобы суэта дня не отвлекла бы нас, хотя бы и на время, от великой поставленной нам историей задачи»¹.

Миллер, Ламанский, Бестужев-Рюмин, в отличие от ранних славянофилов, принадлежали к малообеспеченной части дворянства; для них преподавательский, научный и литературный труд был единственным источником существования. Не поместья и обеспеченный досуг, а свобода и постоянный труд были их главным преимуществом. Не случайно петербургские славянофилы более всего ценили либеральные стороны славянофильской доктрины. Бестужев-Рюмин подчеркивал, что славянофильство не следует смешивать с западноевропейскими воззрениями, несмотря на явную ориентацию на немецкие философские концепции, и с консерватизмом, к которому не редко более склонны были как раз русские западники. «Тяжелый процесс возвращения к народным началам переживаем мы в настоящее время, — признавался Бестужев-Рюмин, — цель указана славянофилами; стремление к этой цели должно быть нашею главною заботою; а забота эта нередко заслоняется от наших глаз разными побочными обстоятельствами: то затмевается наше народное начало внешним патриотизмом, смешивается с консерватизмом в европейском смысле, то слышится восхваление наших начал, насколько они смешиваются в незрелых умах с передовыми учениями запада» [5, с. 140].

Историк русской литературы профессор Санкт-Петербургского университета Орест Федорович Миллер (1833–1889) так же, как и его друг В. И. Ламанский, был деятельным участником аксаковских изданий. Аксаков со своей стороны высоко ценил научно-публицистическую деятельность Миллера и его верность либеральным принципам славянофильства. В поздравительном письме, направленном Миллеру в честь 25-летия его педагогической деятельности, он, в частности, писал: «Вы не изменили себе ни разу в течение 25 лет вашего служения словом, отличавшегося всегда мужественною искренностью, как в свидетельстве о правде, так и в изобличении неправды; вы никогда не сходили с нравственного пути и неутомимо развивали в ваших учениках требования нравственные, отождествляя их с русскими народными идеалами, с любовью к русской народности» [цит. по: 11, с. 32].

Общение Миллера с Аксаковым началось в 1863 г. и продолжалось до конца жизни Ивана Сергеевича. Его смерть Миллер воспринял как уход одного из наиболее духовно близких ему (подобно Ф. М. Достоевскому) людей. В последние годы жизни Орест Федорович посвятил И. С. Аксакову ряд публикаций. Это некролог, помещенный в журнале «Русская старина» (1886, кн. 3), а затем перепечатанный в «Сборник статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова» (М., 1886), а также несколько статей, опубликованных в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества»: «Памяти И. С. Аксакова» (1886, № 2), «И. С. Аксаков и 19-е февраля» (1886, № 5, 6), «И. С. Аксаков и свобода слова» (1887, № 3) и «Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам» (СПб., 1889). Последняя работа, поводом для написания которой послужила публикация писем И. С. Аксакова («Иван Сергеевич Аксаков в его письмах». М., 1888), была прочитана в качестве доклада в торжественном собрании славянского Общества 14 февраля 1889 г. и издана отдельной брошюрой.

Миллер не только активно печатался в изданиях московских славянофилов, но и старался привлекать к сотрудничеству с ними университетскую молодежь. Славянофильские пристрастия Ламанского и Миллера не находили широкой поддержки в студенческой среде. Бестужев-Рюмин и вовсе старался на лекциях не проявлять свои идеологические симпатии. Только нравственный авторитет Миллера

¹ Там же.

среди студентов позволял ему напрямую обращаться со славянофильскими призывами даже к несочувствующей молодежной аудитории. Аксаков с готовностью откликнулся на предложение присылать для публикации студенческие работы, о чем он извещал Миллера письмом, отправленным на домашний адрес Ореста Федоровича (3 линия В. О., д. 18, кв. 16):

«Очень рад, что Вам нравится № 1, почтеннейший Орест Федорович. Он вообще имеет успех. Да и эта форма удобна для серьезного действия. Разумеется, был бы мне в высшей степени желателен живой критический обзор современной журналистики, живой, талантливый, острый. Если работа студентов не ученическое упражнение, то я ей очень рад. Если же еще ученическое, то пусть они поупражняются, пока достигнут зрелости... и силы. В наше время молодежь развивается позднее. Когда мой брат, Самарин, самый Герцен и пр. начали действовать (да и весь круг Станкевича), они летами были едва ли старше теперешних второкурсников. Правда, молодежь теперь основательнее учится, — вообще беды в этом я не вижу, но только принимаю к сведению. Я на том и покончил тогда со студентами (на вечере у Ламанского); пусть пишут и представляют работы Вам или через Вас мне, и пусть не смущаются, если первые опыты будут не совсем удачны (что они сами предполагали); последующие затем будут удачнее и они разовьют в них критическую способность. Я же, сохраняя за собою полное право печатать или не печатать, обязался во всяком случае высказывать им свое искреннее мнение об их работах. Мы тогда и насчет журналов порешили: Отеч[ественные] Записки, Дело, Вестник Европы, Русская Мысль. Если в других явится что-либо замечательное, то и об этом замечательном... Жаль, что ни одного юриста нет меж ними, а не дурно бы теперь обозреть критически словоблудие, происходящее в Юридическом обществе по поводу Гражданского Уложения и Уголовного.

Ваш Ив. Аксаков

16 мая [18]83

Москва» [9, л. 1, 1 об, 2].

В творчестве Аксакова, поэтическом и публицистическом, Миллер отмечал настойчивое требование освобождения крестьян и утверждение в России бессловного государства. «...Аксаков, — писал Миллер, — усматривая в освобождении крестьян толчок и к будущему развитию на просторе, развитию во всю его глубь и ширь настоящего народного духа, прикосновение с которым должно послужить живую воду и для нас — для русского образованного общества»¹. Дворянство, полагал Аксаков, как сословие себя изжило, оно «могло бы удовольствоваться теми преимуществами образования, которые до сих пор были ему более доступны, чем всем другим классам общества, и которыми ему предстоит воспользоваться для общего блага» [9, с. 81]². Более того, постоянно выступая против политики русификаторства, Аксаков ратовал за «обрусение» русского образованного слоя (дворянства), т. е. национальной интеллигенции. Обрусение нерусских народов, населяющих Россию, не нужно и даже опасно, поскольку идет вразрез с принципом народности. Развитие общества — вот лучшее средство противостояния сепаратизму. В то же время безнациональная интеллигенция, ориентирующаяся на иноземную культуру, представляет реальную опасность для развития России и является, несомненно, показателем болезненного состояния общества. Перед дворянством, как наиболее образованным слоем общества, и всей русской интеллигенцией

¹ [Речь О. Ф. Миллера памяти И. С. Аксакова] // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 2. С. 60.

² См. также [Речь О. Ф. Миллера...], С. 61.

должна стоять задача выработки самобытной культуры, без которой не возможно здоровое развитие общества и народа. Только самобытная культура может ограничить чрезмерное давление на общество со стороны государства. В этом пункте Миллер солидаризировался не только с Аксаковым, но и с Достоевским. «Именно невыработанностью *своей* культуры и по взгляду Достоевского, — писал Миллер, — вызвано у нас, наконец, нетерпеливое стремление обзавестись ею сразу, выписать ее из-за моря, при ближайшем участии правительственной власти. Таким характером нашей запоздалой культуры и объясняется то, что мы уже слишком много забот возложили на попечительное правительство» [9, с. 82]. Говоря о самобытной культуре, Миллер включал в нее образование и науку, которые также должны быть обезопасены от чрезмерного вмешательства со стороны государства. Он соглашался с протестом Аксакова, чтобы «новозаведенная у нас наука *была отобрана в казну*» [9, с. 87]. Идеал бессловного государства, достичь которого можно, по мысли Аксакова, распространением на все сословия дворянских привилегий, воспринимался Миллером в целом как идеал социальный, как та «наша самостоятельность», в которой только и возможно спасение России. «России, — воспроизводит он точку зрения Аксакова, — стране не аристократической и не буржуазной, а земледельческой, можно было бы спастись от всех трудностей «рабочего вопроса» и мирным путем достигнуть осуществления того социального идеала, который не дается Западной Европе, не смотря ни на какие кровавые революции» [7, с. 15]. Это означало, что никакое решение внешних, мировых задач, стоящих перед Россией, не будет успешным, пока не будет покончено с внутренней неправдой, пока в стране царит социальная несправедливость. «Аксаков постоянно и напоминал нам о неотложных вопросах внутренних, о невозможности их отделять от вопросов внешних, о том, что политическое могущество прочным образом зиждется только на гражданском преуспении... Известно, что он проводил в своем „Дне“ идею решительного, раз навсегда, освобождения мысли и слова, освобождения в таких размерах, с такой широтой, каких мы не видим нигде, но которые представлялись ему вполне соответствующими качествам и историческим отношением к верховной власти русского народа, никогда не стремившегося забрать в свои руки власть, но постоянно глядевшего на нее, как на такое средство для достижения общего блага, которое верно действует только при помощи прямого и откровенного народного голоса. В свободе мысли Аксаков видел не политическую привилегию, а Богом дарованное человеку право» [8, с. 150]. По словам Миллера, «известно, что в славянофильском учении правда внутренняя становится выше правды внешней» [6, с. 11]; «правды внутренней, которая всегда им (Аксаковым. — Авт.) ставилась выше всякого писанного закона, всякого распоряжения административной власти»¹.

В то же время в Аксакове Миллер особенно ценил следование христианским идеалам, «способность ставить выше всего свою человеческую душу. На каком бы поприще, думал он всегда, ни пришлось служить, надо прежде всего служить той верховной силе, глашатаем которой является совесть, и которая называется Богом!» [7, с. 34–35]. В «гуманной, жаждущей свободы душе» Аксакова Миллер усматривал следы той духовной работы и борьбы, которые лежат в основе православного мировоззрения и поступания. Он даже сопоставлял духовные искания Аксакова, рефлексивно отраженные в его письмах, с исихастской практикой. Так, например, попытку Аксакова подавить в себе тщеславие Миллер сравнивает с характеристикой «этой изворотливой страсти у одного из наших духовных писателей XV–XVI ст., преп. Нила Сорского, с которым Аксаков едва ли был тогда знаком» [6, с. 10, прим.].

¹ [Речь О. Ф. Миллера памяти И. С. Аксакова] // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 2. С. 66.

Понятно, что и в поэтическом творчестве Аксакова Миллер усматривал столь ценную им «нравственную силу». «Общее и господствующее впечатление его поэзии, — отмечал он, — оставалось закаляющим нравственные силы в горниле терпения и выносливости» [9, с. 75].

Главное же требование, без устали провозглашаемое Аксаковым, — это требование свободы слова. В свободе слова сходились все основные положения славянофильской программы: укрепление нравственных устоев как жизни, так и творчества; принцип народности; мировое предназначение России. Нравственная сила общественного мнения выступала гарантом самостоятельного развития народа и его культуры, а свобода слова и «полнейшая веротерпимость» — главным оружием России. «При полной свободе слова, — выражал Миллер свое славянофильское исповедание, — могла бы, наконец, выясниться перед целым миром и историческая наша идея — то, без чего никогда не может нам достаться окончательная победа. При свободе слова стало бы наконец ясно, как день, что наше историческое призвание — в верном служении народу, *самому* народу, как выражался Аксаков, тому, кто составляет у нас на Руси небывалое нигде большинство, тому, кто и в целом славянском мире решительно должен преобладать на том уже простом основании, что все, стоящее в этом мире над самим народом, изменило заветам родной истории, в том или другом смысле увлечено чужбиной. И в этом, должно быть, сказался особый исторический просмысл. ... Ведь нам надобно только, как выражался Аксаков, перестать наконец *“трусить свободы”*. Надо только понять, что от злоупотреблений свободы, сказывающихся от того, что, дорвавшись наконец до нее после долгого гнета, люди теряют голову, — спасение в той же свободе, в широком просторе для каждого честного убеждения, для открытой борьбы со злом живых общественных сил. История ведь не ждет, она высылает нам на встречу неотложные, настоятельные задачи, задачи, для которых потребуются люди, живые люди с горячей душой» [8, с. 152].

Общим учением славянофилов о нравственной силе общественного мнения объясняется и значение печати, прессы. «На печать, как на могучее орудие общественной мысли, Аксаков, как и вся его школа, имела свой особый, своеобразно выражаемый взгляд», — признавал Миллер¹. Без свободы слова невозможно развитие общества. Свобода слова — не политическая свобода, а необходимый элемент нравственной жизни. Периодическая печать, таким образом, оказывается органом народного самосознания.

Сила Земли состоит в свободе общественного мнения. Это сила нравственная, поэтому Миллер неоднократно называет ее *правдой*. В публицистике Аксакова он указывал на единство силы и правды: «О правде, как твердой опоре силы, постоянно говорил покойный И. С. Аксаков... Он упорно противопоставлял свою политику *внутренней правды* той политике *реальных интересов*, в пользу которой пытались его настроить его новоявленные лже-последователи» [10, с. 571]. «Все дело и заключается именно в том, чтобы сознавать свою *правоту* и в сознании своей правоты усматривать свою *силу*», — заключал Миллер [10, с. 571]. Более того, он видел эту силу в самой деятельности и облике московского публициста. По словам Миллера, «в нем было слишком много бодрой силы»².

Академическое славянофильство в Петербурге заявило о себе в пору наибольшей издательской активности Аксакова. Неслучайно московский публицист воспринимался в качестве символа славянофильского движения после того, как перестал существовать «московский кружок». Академическое славянофильство

¹ [Речь О. Ф. Миллера памяти И. С. Аксакова] // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 2. С. 61.

² Там же, с. 58.

стремилось найти применение и оправдание славянофильским идеям в конкретных научных теориях (славистике, истории литературы, историографии, даже математике), а в перспективе и в практической деятельности. Однако оно старалось выйти за пределы ученых кабинетов и университетских аудиторий, искало сочувствия среди широких слоев русского общества. Неслучайно, например, Ламанский в большей степени считал себя не филологом, а историком и политическим мыслителем, оговаривая, что и история — это политическая наука. В Аксакове петербургские славянофилы видели такого политического мыслителя и практического деятеля.

Литература

1. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Иван Сергеевич Аксаков (некролог) // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 1.
2. *Бестужев-Рюмин К. Н.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинение профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича. СПб., 1884 // Журнал министерства народного просвещения. 1885. Январь. Ч. CCXXXVII.
3. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Рецензия: Полное собрание сочинений И. С. Аксакова. Т. II. Славянофильство и западничество. 1860–1886. М., 1886 // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 10.
4. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Рецензия: Полное собрание сочинений И. С. Аксакова. Т. III. Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. М., 1886 // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 11.
5. *Бестужев-Рюмин К. Н.* И. С. Аксаков // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 3.
6. *Малинов А. В., Пешперова И. Ю.* «Будитель русского самосознания»: И. С. Аксаков в оценке петербургских славянофилов. Статья первая // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. СПб., 2016. Вып. 20.
7. *Миллер О. Ф.* Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам. СПб., 1889.
8. *Миллер О. Ф.* И. С. Аксаков и свобода слова // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 3. Март.
9. *Миллер О. Ф.* Иван Сергеевич Аксаков // Сб. статей, напечатанных в разных периодических изданиях по случаю кончины И. С. Аксакова. М., 1886.
10. *Миллер О. Ф.* Наше современное положение и заветы наших славных покойников // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12.
11. *Очерк научной деятельности профессора О. Ф. Миллера с приложением празднования 25-летнего юбилея / Сост. И. Ш. [И. А. Шляпкин].* СПб., 1889.

References

1. Bestuzhev-Ryumin K. N. *Ivan Sergeevich Aksakov (obituary)* [Ivan Sergeevich Aksakov (neкролог)] // News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva]. 1886. № 1. (rus)
2. Bestuzhev-Ryumin K. N. *History of the Russian consciousness on historical artifacts and scientific compositions. The composition of Professor of the St. Petersburg Spiritual Academy M. O. Koyalovich. St.-Petersburg, 1884* [Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam. Sochinenie professora S.-Peterburgskoi dukhovnoi akademii M. O. Koyalovicha. SPb., 1884] // Journal of the Ministry of National Education [Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya]. 1885. January. P. CCXXXVII. (rus)
3. Bestuzhev-Ryumin K. N. *Review: Complete works of I. S. Aksakov. Volume II. Slavophilism and Westernism* [Retsenziya: Polnoe sobranie sochinenii I. S. Aksakova. T. II. Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo]. 1860–1886. Moscow, 1886 // News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva]. 1886. № 10. (rus)
4. Bestuzhev-Ryumin K. N. *Review: Complete works of I. S. Aksakov. Volume III. Polish question*

- and West Russian business. Jewish problem* [Retsenziya: Polnoe sobranie sochinenii I. S. Aksakova. T. III. Pol'skii vopros i Zapadno-Russkoe delo. Evreiskii vopros]. Moscow, 1886 // News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva]. 1886. № 11. (rus)
5. Bestuzhev-Ryumin K. N. *I. S. Aksakov* // News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva]. 1887. № 3. (rus)
 6. Malinov A. V., Peshperova I. Yu. «*Arousing of the Russian consciousness*»: *I. S. Aksakov in assessment of the St. Petersburg Slavophiles. Article first* [«Buditel' russkogo samosoznaniya»: I. S. Aksakov v otsenke peterburgskikh slavyanofilov. Stat'ya pervaya] // Thought. Journal of the St. Petersburg philosophical society [Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva]. SPb., 2016. Issue 20. (rus)
 7. Miller O. F. *Internal life and process of I. S. Aksakov according to his letters* [Vnutrennyaya zhizn' i khod razvitiya I. S. Aksakova po ego pis'mam]. SPb., 1889. (rus)
 8. Miller O. F. *I. S. Aksakov and freedom of speech* [I. S. Aksakov i svoboda slova] // News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva]. 1887. № 3. March. (rus)
 9. Miller O. F. *Ivan Sergeevich Aksakov* // Collection of articles printed in different periodicals on I. S. Aksakov's death [Sb. statei, napechatannykh v raznykh periodicheskikh izdaniyakh po sluchayu konchiny I. S. Aksakova]. M., 1886. (rus)
 10. Miller O. F. *Our modern situation and precepts of our nice dead men* [Nashe sovremennoe polozhenie i zavety nashikh slavykh pokoinikov] // News of the St. Petersburg Slavic Charitable Society [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva]. 1886. № 12. (rus)
 11. *A sketch of scientific activity of professor O. F. Miller with the application of celebration of 25-year anniversary* [Ocherk nauchnoi deyatel'nosti professora O. F. Millera s prilozheniem prazdnovaniya 25-letnego yubileya]. Collected I. Sh. [I. A. Shlyapkin]. SPb., 1889. (rus)